

"Ванновый" "В ночь на пятнадцатое"

Серия "Сказки для тётек"

Ирина Юсупова

Ирина Юсупова

Ванновы́й и В ночь на пятнадцатое

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Юсупова И. Н.

Ванновы и В ночь на пятнадцатое / И. Н. Юсупова — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Два рассказа, две такие похожие и внешне и в своем стремлении спасти любимых героини, и два... изобретения. Но какие разные! Если у них и есть что-то общее, так это только само слово и улыбка после прочтения - "так не бывает"! Наверное, да, не бывает, но это... сейчас. А завтра?

ВАННОВЫЙ

- ...Я боюсь.
- Я тоже, – улыбается он и тут же успокаивает меня: – Все будет хорошо!
- Тогда начинаем?
- Да...

А действительно началось все это до банальности просто.

Я отмокала в ванной, иногда ревела, иногда начинала смеяться – нет, ну, правда, дурь какая-то... первый раз, что ли, он такое вытворяет? И черт с ним. Бросила, так бросила. Умер, так уж умер.

И вот тут-то он и появился.

Вылез из аварийного сливного отверстия, отряхнулся, немного пригладил мокрые волосы и смущенно сказал:

– Здрасьте...

И немного подумала – поорать, может? Потом посмотрела на почти пустой стакан Мартини, на ополовиненную уже бутылку на тумбочке, и орать передумала:

– Привет.

Он чуть кашлянул, словно готовясь к выступлению, вздохнул и спросил:

– Как дела?

Я тоже вздохнула, вспомнив некоторые события, и честно сказала:

– Да, в общем, паршиво.

Он сразу озаботился:

– Я могу помочь?

Тут уже озаботилась я и, немного сосредоточившись, по-настоящему его рассмотрела. Ростом он был с пол-ладошки, но сложен при этом великолепно – настоящая широкоплечая мужская фигура... то есть, фигурка, наверно, так правильнее. Темные длинные волосы до плеч, светлая кожа и серые большие глаза. Ну, лапонька, одним словом. Я опять вздохнула и сказала:

– Помочь – это вряд ли. Вот если только надраться со мной за компанию.

– А знаете... – он вдруг опять смутился, – я бы с удовольствием... тем более, что даже и не вспомню когда пил что-то спиртное.

– Так в чем вопрос? – воодушевилась я. – Сейчас налью!

Тут я немного задумалась – а во что же ему налить-то? Пожалуй, даже наперсток будет для него как здоровенная кастрюля.

Он помог сам:

– У вас духи такие есть, миниатюра... Названия не успеваю никогда заметить, вы быстро душились... а потом все в косметичку и уходите. Но они яблоком пахнут...

– А при чем здесь духи? – удивилась я. – И, кстати, это Симпатия, Дзинтаровская.

– Там у пульверизатора колпачок-крохотуля... он, видимо, самое маленькое, что есть в доме.

– Это идея! – я тут же хотела выскочить и побежать за духами, но вдруг сама смутилась... Черт. Хоть и маленький – а мужик, все-таки! А я нагишом в пене плаваю.

Он сразу все понял и поспешно заверил:

– Я отвернусь, конечно, – и повернулся спиной, держась за поручень сиденья, на котором и стоял все это время. И потом, запинаясь, немного жалобно попросил: – Только не брызгайтесь, пожалуйста... Так мне эта вода надоела!

– Нет, я аккуратненько! – заверила я его и тут же, вспомнив его мокрые брюки, рубашку и жилетку, спросила: – А, может, вам полотенце принести? Сухой одежды на вас у меня, пожалуйста, не найдется... А вот полотенце есть.

– Я буду очень признателен! – он, все также стоя спиной ко мне, приложил руку к груди.

– Тогда я мигом!

Я выскочила из ванной, шлепая мокрыми ногами по полу и на ходу запахивая халат. Потом, взяв духи, маленькое косметическое полотенце и еще кое-какие на мой взгляд подходящие небольшие емкости направилась в ванную.

А перед входом словно споткнулась.

Видимо, холод квартиры и пола несколько отрезвили.

– Что за белая горячка? – пробормотала я и пощупала себе лоб... вроде нормальный... А потом хмыкнула: – Впрочем, весьма симпатичная горячка. А, ладно! – и смело шагнула в ванную.

Он так и стоял на сиденье ванной и испаряться, в связи с моим некоторым отрезвлением, даже не собирался.

– Вот, – протянула я ему полотенце. – Снимайте все мокрое, на батарею повесим, – и тоже вежливо отвернулась.

– Спасибо! – проникновенно сказал он. А потом опять вздохнул: – Только не батарею не надо... Все равно потом опять в воду...

– Ой! – вдруг вспомнила я. – А закусить?

– А разве закус в "надиране" входит? – засмеялся он у меня за спиной и у меня по телу пробежали мурашки... нет, правда черт. Давно я не встречала так хорошо смеющихся мужиков!

– Можно сначала хорошо закусить, а потом надраться, – начала философствовать я. – Выпивки... тем более для вас... полно! И если уж устраивать праздник, то по полной. А вот если сначала надраться, то потом уж вряд ли как следует закусишь.

– Тоже верно, – согласился он, а потом, опять смущаясь, сказал: – А у вас колбасы копченой нет случайно? ...или шоколадки... Так хочется...

– Есть! – обрадовалась я. – И не только это! Сейчас все принесу! – и побежала за продуктами.

Потом была суэта подготовки – я приспособила для него колпачок от лака как стол, колпачок от дезодоранта, поменьше, как стул. Разложила рядом на тарелке все, что притащила из кухни и, отрезая малюсенькими кусочками, клала это на салфетку, на его "стол".

Потом, когда все было готово и "бокалы" налиты, возникла неловкая пауза.

– За знакомство? – спросила я. – Я Людмила... А?...

– Правда?! – перебивая, расширил он глаза. Но потом как-то сник: – Впрочем... это уж не важно... – потом встряхнулся, улыбнулся и тоже представился: – А я – Ванновый.

– ?!?!

– Ну... домовые... есть, слышали? – все улыбался он. – А раз я в ванной, то Ванновый. Вот.

Я немного подумала, опять посмотрела на бутылку Мартини и согласилась:

– Ладно, заметано. Так, за знакомство?

– За знакомство, – протянул он мне навстречу свой "бокал".

Потом мы некоторое время молчали, занятые едой и первым нарушил молчание он:

– Как же вкусно, – говорил с набитым ртом, но я простила ему этот "не этикет", ведь обстановка была далеко не официальная... – Я так давно ничего настоящего не ел!

– А где вы живете? – решила поддержать я беседу.

– Да тут и живу, – вздохнул он, кивнув на сливное отверстие. – В трубах, по дому нашему брожу...

– Но ведь это, видимо, очень неудобно! – изумилась я. – Вода все время... Так и захлебнуться недолго!

– Ну, большая вода не все время, – сосредоточенно жуя шоколад, сказал он. – Только когда люди душ или ванну принимают... А это не везде и не всегда. Настоящая проблема – это когда воду горячую отключают, – он тяжело вздохнул. – Вот это прямо беда. Холодно! Я все время простужаюсь в это время.

– Ох, ты... – запереживала я, – а что же вы наружу-то не выйдете? Ну, хоть на это время! Или вам, Ванновым, не положено?

Тут он пристально посмотрел на меня и спросил:

– А куда?

– Как куда? – растерялась я. – Ну, вот сюда... В квартиру, то есть. Почему обязательно ванная? Или, может, – вдруг испугалась я, – вы без воды не можете? Как человек-амфибия?

– Да нет, могу, – улыбнулся он, и я опять порадовалась – до чего же он хорошо улыбался! – Но только... – опять он вздохнул. – Вот завтра... без Мартини... вы не запустите в меня чем-нибудь?

Я честно подумала, посмотрела на пустую уже бутылку, на новую, не открытую еще – коньяка, и, взвесив все, сказала:

– Теперь уже нет. Вот если бы до этого, – кивнула я на бутылки – тогда наверно... даже наверняка. А теперь ведь познакомились, так чего уж?

Он опять засмеялся и тут же лукаво добавил:

– Все, ловлю на слове! И сегодня переночую, наконец, по-человечески, в сухости, вот тут у вас, на тумбочке. В вашем замечательном полотенце. И если вы утром, протрезвев, все-таки запустите в меня чем-нибудь, то это будет нечестно!

– Ой, ну почему на тумбочке?! – возмутилась я. – Что, места, что ли, в квартире мало? И материала всякого полно. Я вам настоящую постель устрою! Быстренько сошью одеяло и...

– Не надо, – перебил он. – Зачем столько суеты? Из-за меня тем более...

Он опять как-то сник, сидел, завернувшийся в полотенце, немного раздуманный от спиртного, взъерошенный... такой, что хотелось пожалеть и приласкать...

– Ваннов... – я споткнулась на это имя и возмутилась: – Нет, все-таки дурацкое имя! И потом, у домовых имена бывают! – я вспомнила мультик про домовенка Кузю. – Значит, и у вас должно быть! Давайте вас как-нибудь назовем!

– У меня было... раньше... – запнулся он. – Но как-то хотелось забыть все то... Да и ситуация...

– Какое? – не унималась я.

– Вы только не подумайте, что я подыгрываю, – вздохнул он. – Паспорт, к сожалению, показать не могу, сами понимаете... Но меня зовут Руслан.

– Ага, – сообразила я. – Руслан и Людмила. Классика. Потому и не представились, да?

– Ну, да... – опять вздохнул он.

– Тогда есть хороший повод действительно здорово надраться, – наполняла я опять наши бокалы. – За знакомство. Вторичное!

– Да, действительно! – воодушевился он. – А то мы все пока только закусываем. И я уже, кажется, объелся!

– Выгодный мужчина, – серьезно сказала я, прикидывая размер крох, которые он съел.

– Вот получится ли теперь надраться? – засмеялся он.

– Если долго мучиться, что-нибудь, да получится, – вспомнила я опять классику. – Значит, будем мучиться до победного. До "надирания", то есть. В баре полно всего. Кстати! – засуетилась я. – А, может, вы что-то другое предпочитаете? Есть еще виски, джин, шампанское, вино, наливка вишневая...

– Джин! – тут же выдохнул он и опять смутился... – Если, конечно, можно...

– Ой! – обрадовалась я совпадению вкусов. – Я тоже джин обожаю! Я мигом! – и опять вылетела из ванной.

"Надирались" мы долго. Конечно, хотелось спросить именно о нем – кто он, откуда? Неужели действительно существуют домовые, черти, русалки и ...ванновые? Но сначала было как-то неудобно... все-таки нормальный, очень интеллигентный молодой мужчина. А потом уж вообще стало все равно. Ванновыи. Ну, Ванновыи, ну и что? Зато человек хороший.

Мы сидели друг напротив друга – я на бортике ванной, он на сиденье, травили анекдоты, хохотали до икоты и слез, я рассказывала последние новости – с этим у него была проблема, он мне – детские страшилки, которых знал великое множество и которые здесь, при свете, в теплой ванной, выглядели тоже как хорошие анекдоты...

А потом я, понимая, что скоро рухну на пол, последним усилием предложила:

– Руслан, пора спать! Я, кажется, уже все – надралась.

– Конечно, идите! – улыбался он.

– А вы? – я вздохнула. – Обещала одеяло сшить... только сейчас вряд ли смогу. Но можно просто в кресле, я дам чистые платки – как простыни и пододеяльник, и полотенце еще одно – как одеяло... А подушку из моих косметических дисков соорудим... Так пойдет?

– Столько хлопот... – смутился он. – Может, лучше я тут останусь?

– Никаких хлопот! – решительно заявила я. – Идем!

Он подошел к краю ванной и замер в нерешительности.

– Ой, ну я дура! – спохватилась я. Для него расстояние до пола было с хороший двухэтажный дом. – Прошу, – я подставила ему ладошку: – Садитесь, отнесу в комнату.

– Нет, так не пойдет, – твердо сказал он.

– Почему? – удивилась я. – Неудобно? Может, так? – я подставила ему локоть.

– Нет, и так не пойдет.

– Да почему?!

– Я – мужчина. Хоть и Ванновыи... – опять вздохнул он. – И женщина никогда не будет меня на руках носить, если только я ее.

– Мда, ситуёвина, – почесала я в затылке. – Ага! Сейчас, – я хоть и была пьяная, но не в отключке же! А потому хоть что-то, но соображала.

Я как могла быстро, спотыкаясь о стены, которых, кажется, стало в три раза больше, пронеслась по квартире и насобирила много полезных вещей – пятилитровая банка, ведро, еще две банки – двух и пол-литровая, несколько толстых книг и свалила все это на пол. Впрочем, и сама плюхнулась туда же – ноги уж очень плохо держали.

Руслан при виде всего этого добра сильно воодушевился:

– Здорово! Сначала ведро, потом пятилитровую банку...

– Потом двух... – сооружала я "лесенку", – нет... надо книгу подложить... Вот так, и эту...

– Потом уже прыгну, не надо! – руководил Руслан.

Наконец "лестница" была выстроена и Руслан, аккуратно и ловко прыгая по этим «ступеням», постепенно спустился.

– Прощу! – пригласила я его в комнату.

А там меня хватило только на то, чтобы соорудить ему из книг "лестницу" к креслу, залезть в шкаф и достать еще одно маленькое полотенце и платки...

– Дальше я сам, спасибо! – заверил он, а я, даже не пожелав "спокойной ночи", уползла в спальню, понимая, что мои ресурсы и возможности не безграничны...

...Ночью я спала плохо – опять пережила, теперь уже во сне, всю прелесть последнего расставания "с этим гадом", как подытожила потом нашу встречу моя лучшая подружка – Маринка...

...Опять мы сидели в нашем кафе, и опять он восторгался своей новой секретаршей – и умница, и красавица, и обаятельная, и исполнительная... пока я, наконец, не поняла, что он уже с ней спит. А даже если и не спит? Ну, можно ли при одной женщине, и вроде бы любимой... так восторгаться другой? Можно, конечно, если ты полный дурак. Но мой (...хотя какой уж теперь мой?...) Олеженька дураком не был, это уж точно. И посматривал на меня с ехидцей... ну, как мол? Надолго хватит тебя сегодня? Когда ожидается унылый вид и тоска в глазах? Когда слезы? ...которые он, конечно же, будет утешать... ведь он такой чуткий! ...и ему будет совсем не стыдно за всхлипывающую рядом даму! И все оборачивающиеся рядом – ерунда! Ах, как же он любил покружиться!

Но тут что-то во мне и перевернулось.

И насадив ему на голову его же фруктовый салат, и с умилением наблюдая, как притихшие люди вокруг сосредоточенно смотрят и решают для себя – заползут или нет взбитые сливки за шиворот его шикарной и модной рубашки, я окончательно успокоилась. А потому грациозно открыла сумочку, изящно достала пудреницу, с наслаждением посмотрела на себя, кокетливо подправила локоны в прическе, и радостно и громко сказав: "Привет секретарше!", расплескивая вокруг волны обаяния, уплыла из зала...

Вечером Маринка, хохоча, рассказала мне и как Олег, шипя и тихо матерясь, стряхивал салфеткой салат с головы, и как при этом наш шеф, который (о, ужас!), оказывается тоже был в кафе, улыбаясь, спрашивал его – не помочь ли? ...и как язва-Вера из бухгалтерии невинно его "успокоила" – не переживайте, Олег Дмитриевич, взбитые сливки очень для волос полезны!... а то вот уже проплешинка у вас наметилась...

Я смеялась и думала – неужто это все я?

А потом позвонил и он. О! Он умел делать из поражения победу. Он спокойно и буднично заявил – с меня рубашка! Малиновый сироп, также присутствующий в салате не отстирался.

А тут я опять поразила сама себя – я не стала оправдываться, просить прощения или заискивать. Я также спокойно и буднично сказала – сам купи, не разоришься.

А он сказал, ну что же... как хочешь. И повесил трубку.

И вот тут я поняла, что это уж действительно все... Он (умный же!) понял, что я вдруг почему-то перестала быть для него шутком и объектом для насмешек.

И ведь именно только это ему во мне было и надо...

И раз этого нет... То зачем я ему вообще?

...И тогда я пошла пить и реветь в ванную... Впрочем, разве не такого конца я уже давно и подсознательно ожидала? Маринка тысячу раз говорила мне, что он мной просто пользуется и держит для развлечения...

Все. К черту.

Умер, так умер.

...Я продиралась сквозь сон распухшей и больной, как всегда это у меня бывает, с похмелья головой, тихо постанывала и материла все и вся...

И только когда окончательно села на кровати, вспомнила про Руслана. Улыбнулась – чего только не присниться! И пошла на кухню – заваривать кофе.

Еще в коридоре услышала какой-то подозрительный, ни на что не похожий звук из кухни и насторожилась. Притормозила и заглянула в гостиную – на кресле аккуратной стопочкой лежали полотенце и платки, вниз шла лесенка из книг...

Я потеряла глаза. Все осталось на месте.

– Черт, – пробормотала я. – Все еще пьяная, что ли?

Но больная голова говорила о противоположном.

Тогда я, набравшись решимости, потопала на кухню, на странный шум.

Руслан, выломав из моего веника пучок прутьев, и соорудив себе что-то вроде метлы, аккуратно наводил в кухне порядок – сметал весь мусор поближе к ведру.

– Привет! – улыбнулся он мне. – Как спалось?

Вместо ответа я рухнула на ближайшую табуретку... и глупо хихикнув, выдавила:

– А ты, значит, все-таки на самом деле?

Он оглядел себя, как будто и сам уже сомневаясь в своей реальности, и неуверенно сказал:

– Вроде да... – и тут же добавил. – Кстати, спасибо, что все-таки ничем не запустили.

– На здоровье, – опять глупо хихикнула и икнула я. Боль от "ика" тут же стукнула по голове, я сморщилась...

– Что, тяжело? – сочувственно сказал Руслан и вздохнул. – Я так бы хотел приготовить вам кофе... но увы! – он сокрушенно развел руки. – Вот поэтому и решил заняться хоть чем-то полезным... тем, что у меня получится.

– Что вы! Я сама, – тут же поправилась я со своего невежливого "ты". – И можно с ликерчиком... Тогда снова "человеками" станем.

Он, заметив мое смущение, грустно сказал:

– Не переживайте... Можно и "ты"... Что я за персона?...

– Дело не в росте, – совершенно серьезно сказала я. – Я... просто не проснулась еще... – смущенно пыталась оправдаться я: – Да и голова трещит...

Тут я, наконец, заметила еще одну вещь и, окончательно покраснев, забормотала:

– Ох, извините... Я не подумала! Сейчас принесу ваши вещи... – дело в том, что он был в чем-то типа набедренной повязки, сделанной из кусочка носового платка... Впрочем, зрелище было приятное – его, хоть и крошечная, фигурка была такой ладной, мускулистой и мужской, что мне, если честно, не очень хотелось нести ему его вещи... – Они, я думаю, давно уже высохли!

Эти вещи – вельветовые синие брючки, такая же жилеточка, и темно-желтая рубашка что-то мне очень живенько стали напоминать... Видимо, заметив мой сосредоточенный вид, Руслан, когда я отвернулась, одеваясь, стал рассказывать:

– Вы наверно угадали... Это кукольные вещи – Кен... так, кажется, зовут эту куклу-мужчину... и Бабри, знаете? ...вот у них дети... Это вещи их "мальчика".

– Ну, да! – обрадовалась я. – Точно! Я у подружкиной дочки видела! А я-то все думаю – откуда я их знаю?

– Я долго дружил с одной девочкой... – тут он смутился и запнулся, – вернее, конечно, она со мной... Она верила в сказки и думала, что я – гномик. И дарила мне вещи от своих кукол... Поворачивайтесь, я уже.

– А вы... – я, повернувшись, решила продолжить тему. – Кто вы на самом деле?...

– Ванновыи! – засмеялся он. – Про кофе вы не пошутили? Кажется, полжизни за чашку кофе!

– Да, конечно, сейчас сварю! – спохватилась я, но тему не закрыла. – Ну, хорошо... пусть Ванновыи. А, кстати, что с девочкой? Она выросла и перестала верить в гномиков?

– Нет, девочка переехала, – вздохнул он. – Она долго плакала и хотела взять меня с собой... Но как? Ее мама обязательно бы проверила – что и как она собрала в сумки... Да и сам я не хотел никуда переезжать, не зная что там и как? Я убедил ее, что ехать мне никуда просто нельзя. Вот, собственно и все...

Я приготовила кофе, разложила все возможные продукты подоступнее для Руслана, потом соорудила из принесенных книг очередную "лесенку" и мы сели завтракать. Я первая предложила:

– Руслан, может, хватит выкать? И я не только про вас... Меня тоже совершенно незачем так официально.

– На брудершафт не получится! – засмеялся он. – Но я – "за"!

– Руслан, – решила не отступать я от заданной темы, – а чем же все-таки... в... ты питаешься? Если и девочка уехала, и других знакомых нет?

– Ох, – тяжело вздохнул он и потупился. – Лучше бы не за завтраком... Одно скажу – счастье, что у меня такой прямо-таки "луженый" желудок... Все принимает. Тьфу-тьфу-тьфу, – он постучал по столу. – Но лучше все же потом.

– Хорошо, – тут же согласилась я.

Мы еще какое-то время молча ели, пока, наконец, моё любопытство опять не полезло наружу:

– Руслан, а все-таки... До вчерашнего дня я была больше материалистом...

– Ну, я вообще-то довольно материален! – он великодушно протянул мне руку.

Я не удержалась и потрогала... Или, скорее, он меня. Погладил крохотной ручкой по пальцу... черт! Стало приятно...

– Ну, как? – усмехнулся он.

– Наверно, не так выразилась... – пробормотала я смущенно. – Ну, не верила я до вчерашнего дня в водяных, домовых и ...ванновых!

– И сейчас, кажется, не веришь, – опять улыбнулся он.

– Не верю! – с вызовом сказала я.

– И правильно делаешь, – теперь уже вздохнул он.

– ?!?!?

– Нет ни домовых, ни водяных... Только один Ванновыи. Я, то есть.

– А, может, поконкретнее? – попросила я. – И потом... эти твои оговорочки: "Раньше звали"... "лучше забыть"... Что было раньше?

Он опять вздохнул, пристально посмотрел на меня своими замечательными и грустными глазами, помолчал, потом почти прошептал:

– Знаешь, не веселая история... Да и какая-то ярмарочно-фантастичная... Как фантик... В Ваннового проще поверить, намного... Все-таки, похожая нечисть давно и в сказках и в легендах присутствует...

– Зубы ты умеешь заговаривать, это точно, – серьезно сказала я. – Но я вредная и въедливая. И приставучая. Бабушка говорила – как банный лист. Так что мне проще отдаться, учти.

– Нет, ты не вредная! – вдруг засмеялся он. – Я вообще-то давно тобой люблюсь... – тут он смутился и покраснел: – Ты только чего такого не подумай!... Я только то, что можно... Честно. И ты замечательная...

Тут уже смутилась я, но вовремя вспомнив о своей въедливости, напомнила:

– Историю давай. Я слушаю.

Он помолчал, опустив длинные черные ресницы, вздохнул и – как в омут:

– А!... что терять? Примешь за сумасшедшего? ...тогда уж все до кучи – Ванновый-Сумасшедший. Все равно. Слушай...

Я был когда-то нормальным. Совершенно нормальным и даже высоким – под метр девяносто – парнем. В школе учился, потом в авиационный поступил... все здорово было...

Я так яростно хлопала глазами, что он грустно усмехнулся:

– Уже не веришь?

– А?... – только и смогла выдавить я.

– Наверно, не с того начал, – вздохнул он. – В общем были у меня мама, отец, дядя – его брат, бабушка с дедушкой... Все как у людей. Первая погибла мама – она горными лыжами увлекалась... разбилась... Бабушка с дедушкой недолго после этого протянули – единственная любимая дочка, умница, красавица, да к тому же поздний ребенок... Даже внук, я то есть, не смог их от этого горя отвлечь. Так друг за другом за ней и ушли... Отец тоже переживал, конечно, очень... Но у него были я и мой дядька. Я – ребенок, а дядька – как ребенок. Нет, ребенком он, конечно, в буквальном смысле этого слова не был – он был химик, руководил даже какой-то лабораторией в НИИ... не помню уж каком... Но вот его образ жизни! Он все время что-то изобретал. И все свои немалые заработки тратил на реактивы и приборы. А отец тогда в недвижимости работал, зарабатывал отлично, еще до гибели мамы квартиру хорошую купили, обставили, две машины, дача были... Ну, и дядьку он буквально от голода спасал и, хоть и был младше, ругал и пытался воспитывать. Куда там!

Руслан опять вздохнул, вспоминая что-то своё, а потом продолжил:

– Так вот. Когда мы одни с папкой остались, дядя начал приставать к нему, чтобы тот дал ему какую-то совершенно немыслимую сумму, и говорил, что де мол что-то ТАКОЕ изобрел, что стоит ему только это свое изобретение обнародовать – вернет все! И даже больше. Ну, понятно куда отец его посылал! И говорил, что еще в трезвом уме. А потом – авария... Я-то выжил... на заднем сиденье спал, а вот папка...

– Господи, – вздохнула я. – Что же за напасть-то на вашу семью?

– Да он после маминой гибели словно искал ее... напасть эту... – вздохнул Руслан. – Так и лез во все опасное...

– Наверно, маму забыть не мог? – прошептала я.

– Ее невозможно вообще забыть... – тоже прошептал он. А потом встряхнулся: – Ну, вот тут-то и началось... Дядька буквально атаковал меня – дай денег! А я, хоть еще только на втором курсе был, считать уже очень хорошо умел. И, трезво прикинув все ресурсы, возможную продажу дачи, машин и квартиры – с обменом на меньшую – понимал, что мне всего нажитого моими родителями добра как раз хватит на то, чтобы нормально выучиться, и, если смогу найти хорошую работу, то едва-едва до этого и дотяну... ведь жизнь не стоит на месте, все дорожает... Короче, я, так же как и отец, отказывал ему...

Руслан опять вздохнул:

– Только теперь понимаю, как ошибался... – и в ответ на мои недоуменно взлетевшие брови, продолжил: – Сейчас поймешь. Тогда он свою квартиру продал... Не бог весть что была квартира... Но все-таки Москва и почти центр. Он бросил работу и перебрался в какую-то халупу километров за 90 от Москвы. Чуть ли не задаром купленную. И уже там продолжал свои опыты. И опять ему не хватало денег, и опять он начал ко мне приставать. Я резко отказывал, и тогда он сменил тактику – приходил несчастный и жалкий... голодный... ну, разве мог я выгнать? Кормил... одевал... иногда по мелочи денег давал... ведь родной же все-таки! Жалел, одним словом. А он!...

Руслан даже глаза закрыл и замолчал. Я, изнывая от нетерпения, решила "подтолкнуть":

– А он?

– А он оказался обычным преступником, – как-то устало сказал Руслан. Но потом усмехнулся: – Хотя, нет. НЕ ОБЫЧНЫМ преступником. Но преступником. Он решил избавиться от меня, чтобы в наследство, как ближайший родственник, получить все мое добро. А вот сделать это он решил по-своему, применив то самое свое изобретение...

Руслан опять замолчал, а я прошептала:

– Неужели?...

– Да, – просто сказал он. – Он придумал состав для уменьшения человека.

– Ну, дела... – обалдело пробормотала я. – Прямо, как в фильме...

– Только там все было весело, – вздохнул Руслан. – А тут, когда он добавил мне в ванну какой-то состав, объяснив что это "витаминчики" для укрепления, и что мне после институтской лыжной гонки очень полезно...

– Но зачем?! – не утерпела я. – Не проще ли убить?

– Видимо, потом хотел, – задумчиво сказал он. – Согласись, что прятать труп здорового, под два метра парня, несколько сложнее, чем "гномика"!

– Да... – протянула я.

– Да видно и доказать хотел напоследок, что никто не оценил его гениальности! Это верно, не оценили... – усмехнулся Руслан. – Ох, как не оценили... Но он также не оценил и меня.

– Это в смысле? – не поняла я.

– Сначала я подумал, что просто кружится голова, – продолжил Руслан. – Что-то происходило со стенами, ванной, водой... Я озираясь и вдруг увидел выражение, с которым дядька смотрел на меня. Сидел на бортике ванной, ухмылялся противно и чего-то ждал... И вдруг я все понял! Я понял, что УМЕНЬШАЮСЬ! И также понял, что это – дядькины штучки. Впрочем, он тут же и сам подтвердил это – захихикал и спросил – как мол, ванна не великовата?

Руслан опять замолчал, а я честно попыталась все это представить, и по спине у меня бегали мурашки...

– Вот тут-то я и сделал то, чего он, видимо, от меня не ожидал... – продолжил Руслан. – Я подпрыгнул и вцепился в него из последних сил... он не удержал равновесия... и плюхнулся в теперь уже практически свободную ванную вместе со мной! Ох, как он выл! – усмехнулся Руслан. – Выл, и уменьшался вместе со мной... пока мы не стали такими же, как и были при жизни – его макушка болталась у меня где-то под мышкой! Уж теперь-то он ничего не мог со мной сделать! А ведь хотел. Сначала, страшно и грязно ругаясь, набрасывался на меня в воде, словно утопить хотел. Ну, куда там! Я был кандидатом по плаванию, в бассейне занимался, да и моложе его все-таки... и чуть сам его тогда не утопил, со злости! Но потом, одумавшись, взял за шкурку и сказал, что хватит дурью маяться и пусть обратно нас превращает. И сначала меня! Уж теперь я прослежу.

– И что же? – ерзала я от нетерпения. – Не вышло?

– Еще хуже... – мрачно сказал Руслан. – Оказывается, не было у него пока такого состава, чтобы обратно... Только еще хотел синтезировать...

– Ой, мамочки... – пробормотала я. – Как же это?...

– Вот так... – вздохнул Руслан. – Уж очень ему не терпелось от меня избавиться! А потом, – он махнул рукой, – потом начался кошмар... Ты же представляешь теперь как самые обычные вещи как то спуск с ванной, например, становятся для людей такого роста целой проблемой. И все-таки я решил держаться вместе с ним. Мне удалось из плавающих в ванне мочалки, щетки и пемзы соорудить рычаг и выдернуть затычку... Потом спуститься по этой цепочке вниз... Потом... – Руслан вдруг махнул рукой. – Да что говорить? Это книга отдельная получится – как мы учились жить в новом обличье... Скажу только одно – дядька сразу же

потерял всю надежду и перестал бороться. А я... я еще какое-то время верил в спасение... Потом остро встала проблема еды – мы быстро подъели все крошки, что нашли на полу и везде, где только смогли забраться. Потом я долго и из подручных средств изобретал всевозможные подъемники и рычаги, чтобы добраться до пищи. А однажды оказалось, что доступной еды в доме больше нет. Впрочем, это понятно – я практически не питался дома, запасов никаких не делал. Дядька же вообще был чокнутым ученым – его не покормишь, он сам и в магазин-то не сходит. В общем, появилась настоящая необходимость выйти из квартиры...

– А разве тебя не хватились? – удивилась она. – Друзья по институту, знакомые?

– Конечно, хватились, – сказал Руслан. – Телефоны какое-то время прямо-таки разрывались. Потом была милиция, от которой мы спрятались. Может, зря?... Не знаю... Но тогда мне показалось, что нас запрут в какой-нибудь секретный институт и тогда уж вот точно прощай и свобода, и просто жизнь...

– Наверно... – протянула я и вздохнула. – Если бы вообще каким-нибудь "новым русским" на забаву за бешенные бабки не продали... А дальше?

– Дальше я понял, что способ передвижения по дому один – по трубам. Ну, как еще? Вентиляции в доме практически нет – люди тут обеспеченные, все вместо нее установили стеклопакеты с кондиционерами. Мусоропровод – на лестничной клетке. Значит, трубы.

– Ох, господи... – опять пробормотала я. – Но там же... Вода... и грязно... и страшно!

– Что-то страшнее того, что со мной стало, я уже мог представить с трудом, – усмехнулся Руслан. – А жить так хотелось! Надеялся тогда еще на что-то...

– Погоди, погоди, – заволновалась я. – А сейчас? Что, сейчас уже не надеешься?

– Нет, конечно... – вздохнул он.

– Но почему?!? – возмутилась я. – Уж теперь-то? Когда я все знаю, твой дядька обязательно синтезирует свой состав! Я буду помогать! – честно заверила я. – И денег дам, если надо! У меня есть приличные сбережения!

– Так нет дядьки-то... – прошептал он. – Умер...

– Как же это... – пробормотала я.

– Он вообще тогда сник... перестал бороться... – опять вздохнул Руслан. – А уж когда мы попробовали съесть кое-что из отходов и живности, обитающей в трубах...

Я невольно слотнула и зажала рот рукой.

– Не буду подробностей рассказывать... – усмехнулся Руслан. – Но это давало жизнь! И я переборол себя. Впрочем, и дядька переборол. Но вот только он был на тридцать пять лет старше меня, и у него была язва... И "сгорел" он очень быстро... И я остался один...

Я чувствовала себя так, словно это произошло со мной... и уже готова была хлупать... но любопытство опять победило:

– А как же твоя квартира? Там кто-то другой живет уже?

– Нет, – задумчиво протянул Руслан. – Здесь-то как раз дядьку бы ждал полный облом. Отец, словно что-то предчувствуя, составил странное завещание... знаешь, я не очень силен во всех этих юридических штучках... – он сморщился, – это он был мастак. Но как-то так там выходит, что даже я ее продать, оказывается, не мог. Вроде, могут только мои правнуки продать, да и только через пятьдесят лет, так кажется. Я это почти в последний момент узнал. Да и квартплата на нее автоматически, из банка отчисляется, там надолго хватит. Ну, милиция, думаю, меня все еще ищет, а квартира... Стоит себе запертая... Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.